Е. В. Барышева

ПРАЗДНИЧНОЕ УБРАНСТВО СОВЕТСКИХ ГОРОДОВ 1920–1930-х гг.

УДК 94(470)"1920/1930" ББК 63.3(2)61+77.562

Статья посвящена агитационно-пропагандистскому значению оформления советских городов 1920–1930-х гг. в дни государственных праздников 7 Ноября и 1 Мая. Государственная праздничная культура стала действенным способом влияния власти на общество. Визуальная пропаганда единства труда и праздника, общества и власти, социальной однородности в дни празднований служила одним из инструментов перестройки человека, его образа жизни. На основании архивных материалов и публикаций рассматривается художественное оформление городского пространства в динамике его развития. Атрибуты советских праздников: флаги, декоративные панно, портреты вождей, политические плакаты, лозунги, освещение, трибуна способствовали созданию мифа о счастливой жизни и «светлом пути» в будущее. Витрины магазинов также имели «революционно-пропагандистское» значение и играли огромную роль в идеологическом воспитании населения. Оформление городских улиц и площадей в дни государственных праздников демонстрировало властную интерпретацию прошлого, настоящего и будущего, распространяло среди городского населения стереотипы восприятия окружающей действительности. Разнообразие стилей в оформлении городского пространства в первые годы советской власти сменилось жесткой регламентацией. Централизованные инструкции и многочисленные методические рекомендации призваны были превратить праздники в систематический курс самообразования и самовоспитания. Необходимость эмоционального маркирования образа нового человека привела к смене достаточно примитивного праздничного оформления в годы «военного коммунизма» пышностью и помпезностью 1930-х гг. Главным в оформлении города стала демонстрация достижений социалистического строительства и сил пролетариата.

Ключевые слова: *государственный праздник, праздничное оформление, атрибуты праздников, идеологические стереотипы, наглядная агитация, политический плакат*

В современной историографии проблемам советской праздничной культуры и ее влиянию на формирование нового человека посвящено много работ, в которых система советских праздников и обрядов рассматривается с различных методологических подходов. Исследователей привлекают вопросы складывания советских ритуалов, их символически-визуальный аспект,[1] история советского агитационно-массового искусства. В этой связи особый интерес представляют идеи немецкого исследователя Х. Гюнтера о том, что иллюзия гармонического единства в Советском Союзе создавалась эстетическими средствами.[2] Исследования 1990–2000-х гг. расширили представления о процессах, происходивших в первые десятилетия существования советской власти. Анализ различных видов агитационно-массового искусства, таких как архитектура, кинематограф, изобразительное, садово-парковое искусство, позволил авторам сделать вывод о тоталитарном характере культуры 1930-х гг.[3]

В связи с этим представляет интерес и символическое освоение городского пространства в дни советских государственных праздников. Праздничное оформление Москвы и Ленинграда, которые оказались в центре внимания

[1] См.: Глебкин В. В. Ритуал в советской культуре. М., 1998; Малышева С. Ю. Историческая мифология советских «революционных празднеств» 1917–1920 годов // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2003. № 10. С. 231–254; Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2012; и др.

Барышева Елена Владимировна — к.и.н., зав. кафедрой истории и теории исторической науки, РГГУ (г. Москва)
E-mail: *barysheva.ev@gmail.com*

[2] См.: Гюнтер Х. Тоталитарное искусство как синтез искусств // Соцреалистический канон: сб. ст. СПб., 2000.

[3] См.: Паперный В. Культура Два. М., 1996; Голомшток И. Тоталитарное искусство. М., 1994; Цивьян Ю. Г. Историческая рецепция кино: Кинематограф в России, 1896–1930. Рига, 1991; Морозов А. И. Конец утопии: Из истории искусства в СССР 1930-х гг. М., 1995; Рыклин М. К. Пространства ликований. Тоталитаризм и различие. М., 2002; Золотоносов М. Γλυπτοκρατος. Исследование немого дискурса. Аннотированный каталог садово-паркового искусства сталинского времени. СПб., 1999; и др.

партийного руководства, во многом послужило моделью для праздничного убранства городов Советского Союза.

Анализ архивных материалов и публикаций 1920–1930-х гг. об организации праздничных мероприятий дает представление об эволюции праздничного дизайна, который был призван служить для создания «правильного» настроения.

Праздничное оформление городов с самого начала существования советской власти было одним из способов формирования идеологических стереотипов и трансляции их в обществе. Пространство города становилось местом идеологического воздействия на горожанина, идеологическим и побудительным символом, по типологии А. Ф. Лосев, который утверждал: «Идеологические символы не только предполагают ту или иную теорию или идею, но и практическое их осуществление и, что особенно важно, общественное назначение. Идеал, девиз ... лозунг, призыв, воззвание, пропаганда, агитация, афиша, плакат... — все подобного рода понятия являются не просто теоретически построенными идеями, имеющими абстрактное назначение, но это такого рода идеи и понятия, которые насыщены и заряжены большой практической силой и с точки зрения логики тоже являются символами, поскольку каждая такая конструкция есть порождающий, принцип общественного действия и метод осуществления бесконечного ряда общественно-исторических фактов».[4] Горожане, оказавшись в «силовом поле символа»,[5] в дальнейшем испытывали его влияние и следовали транслируемым установкам.

Новых праздников в Советской стране было много, особенно в первые годы советской власти. Однако наибольшее значение придавалось двум — 7 Ноября и 1 Мая, — поэтому проблема их художественного оформления была в центре внимания большевиков. Об этом свидетельствует один из первых декретов СНК 1918 г. «О памятниках республики», в котором одним из требований было «спешно подготовить декорирование города в день 1 Мая и замену надписей, эмблем, названий улиц, гербов и т. п. новыми, отражающими чувства революционной трудовой России».[6]

К подготовке сценариев проведения праздников привлекались видные театральные деятели того времени. Об этом вспоминал Н. И. Подвойский в декабре 1931 г. на совещании Общества строителей Международного Красного стадиона (ОСМКС), посвященном подведению итогов Октябрьских празднеств: «От имени Красной армии мне пришлось созывать большое совещание режиссеров театра, в котором принимали участие Мейерхольд, Таиров и др. режиссеры и отдельные коммунисты. Перед ними была поставлена задача — отразить момент великой победы Красной армии на Волге... и показать перспективы развертывания этой борьбы в виде создания трехмиллионной Красной армии, которая выходит с заводов и полей, сплачивает тыл и фронт, показать вооруженную часть народа, которая на фронтах ограждает заложенные основы социалистического мира, накапливает при помощи всеобуча громадные силы, показать, что у нас нет разницы между фронтом и тылом, показать всю эту силу в действии. <...> К большому сожалению, совсем не в таком масштабе было проведено празднование. Театры как раз тогда этого не поняли, потому что тогда общественность была слабо развита».[7] Тем не менее в оформлении города художники демонстрировали собственное представление о революции и путях развития страны, хотя уже в это время начинает проявляться партийно-государственный контроль.

В годы «военного коммунизма» и Гражданской войны у партийных деятелей не раз возникали сомнения в целесообразности широкомасштабных, пышно оформленных праздничных мероприятий, о чем свидетельствуют документы, отложившиеся в фонде Агитпропа ЦК ВКП(б).

Оформление праздников в эти годы было весьма ограниченным: красные флаги и зеленые ветки были единственными символами памятных дней. Созданная при Агитпропе ЦК РКП(б) Всероссийская центральная комиссия по проведению Октябрьских торжеств неоднократно обсуждала вопрос даже о полном отказе от каких-либо праздничных мероприятий. Решения Комиссии имели обязательный характер. Кроме нее, ни одно из учреждений не имело права ничего предпринимать, и все были «обязаны свои идеи и соображения представлять в Центральную

[4] Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1995. С. 155.

[5] См.: Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. М., 1997.

[6] Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 31. С. 416.

[7] ГАРФ Ф. 4346. Оп. 1. Д. 221. Л. 3–4.

Комиссию».[8] 28 сентября 1920 г. Комиссия постановила «признать необходимым отказаться от шествия» и, «если не будет распоряжения ЦК РКП — в день празднования Октябрьской Революции субботника не устраивать».[9] Тем не менее для городского оформления были запрошены в Отделе Изобразительных Искусств Наркомпроса необходимые средства для украшения трамваев, грузовиков и повозок. При этом в целях экономии всем районам, организациям и учреждениям предлагалось использовать старые флаги и другой красный материал.[10] Но уже на заседании 9 октября 1920 г. Комиссия была вынуждена констатировать, что по постановлению ВЦИК на празднование годовщины Октябрьской революции никаких специальных средств отпущено не будет, а ВЦИК решительно выступил против каких-либо украшений, даже зелени, настаивая на чисто деловом характере торжеств.[11]

Праздничное убранство, несмотря на всю его скудость, должно было отражать торжественность момента. В планах по организации Октябрьских празднеств в Москве в 1920 г. намечалось художественное оформление столовых и клубов, имевших большую пропускную способность и хорошее «гигиеническое и архитектурное состояние». Особое внимание обращалось на детские столовые: монументально-декоративная роспись и украшение этих общественных мест должны были отражать «агитационно-просветительские темы».

Не менее важное место отводилось оформлению городских площадей и улиц. Планировалось проведение конкурсов макетов-моделей украшений московских площадей — Театральной, Советской и Красной. Каждую работу должны были выполнить один художник и один архитектор (или скульптор). В центре города в день годовщины Октября устраивалась выставка этих макетов. Но в планах виден отпечаток тяжелой экономической ситуации 1920 г. Внешнее украшение площадей и улиц ввиду бедности технических средств сократилось до минимума.[12]

Тем не менее совсем отказываться от праздника, имевшего важное идеологическое и агитационно-воспитательное значение, большевики не собирались.

Политическое управление Реввоенсовета (ПУР) подготовило подробную «Инструкцию по организации празднования третьей годовщины Октябрьской революции».[13] Отметив необходимость «придать торжественным массовым шествиям стройность, художественную цельность и символический смысл», ПУР возложил на Красную Армию ответственность за организацию Октябрьских торжеств. Армия рассматривалась не только как структура, способная применить свои организаторские способности в подготовке и проведении праздников, но и как символ новой власти, «олицетворение силы и мощи».[14]

Для оформления праздничного шествия по улицам Москвы предполагалось выстроить эстраду в центре обширной площади, на которой устанавливался гигантский глобус. Синей краской изображались моря, желтой и зеленой — государства, кружками — столицы. Эти кружки служили местом для флажков. Россия окрашивалась красным цветом.[15] Планировалось, что празднества начнутся с шествия представителей республик в национальных костюмах, а затем «конные всадники с соответствующими эмблемами и костюмными украшениями в легких отрядах, рассыпавшись по всему городу и стягиваясь в одно место, где стройная декорация в виде земного шара олицетворяет весь мир, — могут при известной умелой режиссуре дать впечатление пролетарских интернациональных отрядов, спешащих на помощь к русским рабочим и крестьянам».[16]

Вопросы оформления шествия украшениями и костюмами, снабжения картоном, бумагой, красками, гримом, зеленью были решены с точки зрения практической целесообразности, но с учетом агитационной важности момента: «При отсутствии материалов следует шествие устроить наиболее помпезного характера, пользуясь зеленью и покрашенной газетной бумагой»,[17] — предложили сотрудники ПУРа.

1921 г. оказался не менее сложным в финансовом плане. Уже в сентябре губкомы докладывали в Центральную комиссию о том, как планируется сэкономить на оформлении

[8] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 5. Л. 10.
[9] Там же. Л. 9.
[10] Там же. Л. 11.
[11] Там же. Л. 6.
[12] Там же. Л. 13.
[13] Там же. Л. 15.
[14] Там же.
[15] Там же.
[16] Там же.
[17] Там же. Л. 16.

праздника.[18] 14 октября Комиссия принимает решение парад и демонстрации в ноябре не устраивать.[19]

Экономические и политические трудности заставляли партийных деятелей внимательно следить за настроениями масс. Агитпропотдел ЦК РКП(б) в 1923 г. даже распространил среди коммунистов анкету, в которой спрашивалось: «Как партиец и рабочий проводят воскресные дни и праздники?», «Не слишком ли много у нас празднуется юбилеев?», «Не слишком ли много строится всяких знамен?», «Не было бы более целесообразным заменить постройку новых знамен каким-либо другим, практически более целесообразным делом, например постепенным созданием фонда для какой-либо постройки (дома отдыха, или образцового нового дома для героев труда и пр.)?»[20]

В ходе проведения массовых шествий и демонстраций неотъемлемым символическим элементом стала трибуна, хотя финансовые трудности не позволяли к каждому празднику строить новые трибуны. Так, например, на заседании Московской Губернской комиссии 13 октября 1923 г. было решено не выделять средств на постройку новой трибуны на Красной площади и использовать материал прошлогодней трибуны.[21]

Несколькими днями позже, 17 октября 1923 г., на совещании командиров частей гарнизона Москвы с представителями Коминтерна, МГСПС, Моссовета, ВЦСПС, МК РКП(б) и от районов столицы все же было решено «в день 6-ой годовщины Октябрьской Революции на Красной Площади... построить трибуну по типу Первомайской на 1500 чел.», но при этом рекомендовалось использовать материалы и украшения Красной площади, которые остались от прошлых празднеств.[22]

К середине 1920-х гг. к оформлению праздничной трибуны стали относиться более требовательно не только в функциональном плане, но и в изобразительном.

В 1925 г. специально к празднованию восьмой годовщины Октября на площади Урицкого (ныне Дворцовой) в Ленинграде — в символическом центре общегородской демонстрации — были сооружены две трибуны. Вот как описывает их оформление современник: «В середине площади возвышалась главная трибуна, в форме корабля, обращенная передним балконом (на носу корабля, украшенном цифрой 8) к Саду Трудящихся; справа от нее, перед подъездом Дворца Искусств, ближайшим к Саду трудящихся, помещалась малая трибуна... Шеренга демонстрантов разрезалась носом корабля на две широкие волны, расцвеченные плакатами и знаменами, насыщенные звуками оркестров, хоров и всплесками “ура”. Расходящиеся широкие волны колонн за кормой корабля-трибуны и натянутые (от верхней части памятника-колонны к боковым парапетам верхних площадок трибуны) снасти, расцвеченные красными вымпелами и флагами, создавали картину мощного и стройного корабля, движущегося вперед в море людей, знамен, плакатов, разукрашенных автомобилей, повозок».[23] Корабль-трибуна не только отражал специфику города, но и репрезентировал властную установку на идеологическое освоение пространства мира в целом и города в частности.

Помимо украшения зелеными еловыми ветками, красными флагами и портретами вождей, распространенным способом оформления праздничных мероприятий были политические плакаты, представлявшие собой эффективный инструмент внедрения большевистских идей.

В первые годы советской власти политические плакаты отличались большим разнообразием визуальных образов и стилей репрезентации. «Революцией призванные» художники с энтузиазмом и талантливо агитировали за советскую власть. Художники-авангардисты создавали футуристические и кубистские панно и плакаты к праздникам 7 Ноября и 1 Мая. Другим стилевым решением стало использование классических и религиозных символов: пегасы, колесницы, святой Георгий, ангелы на ранних советских плакатах олицетворяли новую эпоху. Лубочный стиль, близкий к народному творчеству и отличающийся простотой техники и лаконизмом изобразительных средств, с его грубоватым штрихом, яркой раскраской и доступными пояснительными надписями, был заимствован авторами Окон РОСТА и стал популярным у горожан. Свой вклад в новое политическое искусство внесли такие известные

[18] Там же. Д. 38. Л. 53–54.
[19] Там же. Л. 2а, 7.
[20] Там же. Д. 575. Л. 53об.
[21] Там же. Д. 613. Л. 37.
[22] Там же. Л. 45.
[23] Диев А. Д. 8-ая годовщина Октября — 1925 г. // Массовые празднества: сборник Комитета социологического изучения искусств. Л., 1926. С. 149.

художники, как Марк Шагал, Казимир Малевич и Эль Лисицкий, Дмитрий Моор, Виктор Дени и Александр Апсит.[24]

Во второй половине 1920-х гг. оформление и проведение государственных праздников стали жестко регламентировать централизованные инструкции и многочисленные рекомендации, разрабатывавшиеся партийно-государственными структурами. Праздничное дело окончательно было поставлено под строгий контроль и загнано в стандарты.

Если праздничное оформление улиц и площадей городов в начале 1920-х гг. было достаточно примитивным, то со временем необходимость эмоционального маркирования образа нового человека привела к пышности и помпезности и в праздничном дизайне городов.

Особое внимание было привлечено к подготовке празднования десятилетия Октябрьской революции. В изданном в 1927 г. руководстве по организации и проведению революционных праздников авторы, разъясняя значение оформления городов в дни государственных праздников, писали: «Празднества десятилетия в массовом своем оформлении должны стать почином в отношении массового соц[иалистического] воспитания, перестройки старого бытового уклада. Трудящиеся СССР, кроме обычных воскресных дней, празднуют более десяти революционных и общественных праздников. До настоящего времени эти дни и дни отдыха не были использованы в интересах социалистического воспитания и организации масс. Между тем при продуманном программном, плановом использовании этих дней они превратятся в систематический курс самообразования и самовоспитания масс».[25] При этом ставилась задача сделать так, чтобы участие горожан в праздничных мероприятиях было активным: «Празднование десятилетия Октября не является праздником, созданным для масс, а является праздником, творимым самими массами, активно, общественно, всеми вместе, как одним человеком».[26] Таким образом, делалась попытка создания иллюзии всеобщего единства. С этой целью предлагалось использовать популярную форму первых лет советской власти — «массовое действо».[27] Попрежнему востребованными были агитпроцессии, игрища («карнавалы»), демонстрации и художественно оформленные митинги.[28] При проведении всех массовых торжеств, в дни десятилетия Октября, праздничное настроение должны были создавать улицы и площади: «Именно этим путем можно и следует достичь того, чтобы игра, призыв к бдительности и боевой готовности гармонически сочетались в единый бодрый по тону и яркий по характеру праздник».[29]

Среди советских праздников особое значение придавалось празднованию годовщин Октябрьской революции. В 1931 г. Н. И. Подвойский, говоря о важности 7 Ноября, наставлял организаторов праздничных мероприятий: «Кульминационная точка достигается в дни празднования Октябрьской революции. Народ с Красной площади можно повести куда угодно. Знамена поднялись, склонились перед прахом Владимира Ильича, пушечный залп — врага сокрушит в порошок. Эту глубинную интимность, самую высшую настройку на генеральную линию партии нужно уметь схватить. <...> Пролетариат в эти дни в самых разнообразных формах выражает, насколько он готов защищать социалистическое отечество, продолжать социалистическую стройку».[30] Призывая стать «организованными и сознательными строителями революционных празднеств», Подвойский утверждал: «...оформлять октябрьские празднества мы будем различно, но по единой марксистско-ленинской методологии, с единой устремленностью. Мы эту работу сделаем стержневой».[31]

Визуальная пропаганда единства труда и праздника, общества и власти, социальной однородности в ходе праздничных демонстраций и парадов в соответствии с решением ЦК партии о политическом искусстве от 11 марта 1931 г. призвана была «служить мощным инструментом перестройки человека, его идеологии, образа жизни и экономической деятельности, а также инструментом, затрагивающим сознание и сердца миллиона людей».[32] Во исполнение этого решения в сентябре 1931 г. Общество строителей Международного

[24] См.: Боннелл В. Репрезентация женщины в ранних советских плакатах // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. М., 2009. С. 245–246.
[25] Массовое действо: руководство к организации и проведению празднования десятилетия октября и других революционных праздников. М.; Л., 1927. С. 3.
[26] Там же. С. 4.
[27] Там же.
[28] Там же.
[29] Там же.
[30] ГАРФ Ф. 4346. Оп. 1. Д. 221. Л.6.
[31] Там же. Л. 7.
[32] Бригада художников. 1931. № 2–3. С. 2–3.

Красного стадиона поставило перед Культпропом ЦК ВКП(б) вопрос об изучении массовых празднеств на предприятиях, для установления соответствия использованных художественных средств основному политическому содержанию праздника, а также для выявления степени активности и самодеятельности пролетарских масс в дни революционных празднеств и для создания истории массовых празднеств за 15 лет.[33] Была разработана схема изучения художественного оформления Октябрьского праздника, поставлена задача «в известной последовательности охватить всю сумму художественных воздействий на определенный рабочий коллектив». Предстояло оценить качество художественного оформления в торжественные дни (от выхода рабочего из дома до художественных зрелищ и других постановок 7 ноября). Требовалось установить «главнейшие» формы художественных средств, степень их значимости, «тематичность политической насыщенности», целесообразность расположения и т. д. как в квартирах рабочих, так и в общественных местах: на месте сбора, на заводе, на тех улицах, по которым пройдет колонна, на площадях и во время иллюминации.[34]

Для оформления городских улиц и площадей, отдельных зданий и сооружений также были разработаны методические рекомендации. Так, в 1932 г. в инструкции о проведении Первомайского праздника в качестве главной цели декорирования городских улиц и отдельных зданий в период торжеств называлась «максимальная концентрация внимания демонстрирующих пролетарских масс на лозунгах, формулирующих задачи трудящихся под руководством Коминтерна и нашей партии, и организации творческой воли пролетариата для проведения этих задач в жизнь». Плакаты и лозунги должны были отличаться возможной простотой: надписи должны состоять из 3–5 слов. Указывалось на целесообразность повторения одной и той же надписи в разных местах, причем ее размеры должны были постепенно расти по мере приближения к Красной площади.[35]

Элементами композиционного оформления городского пространства были гигантские панно и плакаты, выполненные «средствами монументальной живописи, действующей на большие массы и расстояния». Они могли быть сооружены «как на горизонтали самой площади или улицы, так и на встречных движению масс фронтальных поверхностях домов и проч. сооружений».[36] Плакаты призваны были выражать одну генеральную политическую идею, развертываемую в данном районе, на данной улице, например: «Борьба за промфинплан», «Пятилетка в четыре года», «За построения бесклассового общества», «Борьба с религиозными предрассудками», «Интернациональная солидарность», «Коллективизация сельского хозяйства», «Индустриализация страны», «Обороноспособность страны», «Реконструкция быта», «Против социал-фашизма» и т. д.[37] Эта же задача решалась при изготовлении ряда объемных декораций, могущих быть радиофицированными. Все элементы оформления (панно, установки, лозунги и пр.), входившие в ансамбль пространства площади и прилегающих проездов, были подчинены «одному идеологическому и композиционному замыслу монументального революционного зрелища, социально действенно, логично и динамично развертывающего основную политустановку на данной площади или улице».[38]

Во второй половине 1930-х гг. изменение наглядной агитации стало особенно заметным. Портреты-картины украшали не только газетные репортажи о великих достижениях, но и стены домов, площади больших городов, фабричные цеха, колхозные клубы, школы и другие общественные учреждения. Слова и цитаты вождя, его портреты являлись неотъемлемыми атрибутами праздников, собраний, демонстраций и парадов.

Иностранцы, посещавшие СССР по приглашению правительства и самого вождя, отмечали избыточность портретов Сталина. «Сто тысяч портретов человека с усами», по выражению Лиона Фейхтвангера,[39] были характерным явлением в оформлении городов, особенно в праздничные дни.

Еще одним приемом украшения праздничного города стало оформление витрин магазинов. В этом направлении единого стандарта до середины 1920-х гг. не существовало. Методисты Общества строителей Международного Красного стадиона, занимавшиеся

[33] ГАРФ. Ф. 4346. Оп. 1. Д. 241. Л. 5.
[34] Там же. Л. 6.
[35] Там же. Д. 503. Л. 70.
[36] Массовое действо. Первомайский праздник 1932 года. М.; Л., 1932. С. 21–22.
[37] Там же. С. 22.
[38] Там же.
[39] Фейхтвангер Л. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. М., 1937. С. 63–65.

организацией государственных праздников, с негодованием констатировали, что «из года в год, в дни Октября и 1-го Мая, на улицах города и деревни в оформлении оконных витрин магазинов пролетариату СССР не только показываются образцы мещанства, но и во многих случаях оскорбляется память революционных вождей, искажаются идеи революционного праздника: портреты вождей революции, эмблемы Красной Армии и советской власти и т. д., помещаются среди предметов мещанских будуаров, подушек, белья, предметов роскоши». Необходимо было придать праздничному оформлению витрин «революционно-пропагандистское значение», так как «при политически верном и актуальном содержании, и при грамотном художественном оформлении витрины могут играть огромную политико-воспитательную роль». Ставилась задача — в дни великих революционных праздников сделать витрины магазинов «окнами в лучшее социалистическое будущее»; витрины должны были пропагандировать «как общие революционные идеи праздника, так и боевые лозунги сегодняшнего дня, лозунги строительства, борьбы и побед на фронте строительства социализма».[40]

Магазинам, исходя из характера их товаров, рекомендовалось связывать праздничное оформление витрин с «боевыми лозунгами сегодняшнего дня». Так, например, магазины, торгующие предметами санитарии, гигиены и медицины, оформляли витрины под лозунгами санпросвещения и гигиены быта и труда; магазины предметов быта — под лозунгами пропаганды нового быта; книжные магазины — под лозунгами культурной революции, ликвидации неграмотности и т. п.[41]

Однако изучение 15-ой годовщины Октябрьской революции, несмотря на огромные усилия, которые прилагали партийно-государственные деятели, показало, что не всё и не всегда оказывало такое влияние на городских жителей, как планировалось. Рабочие Сталинских мастерских Москвы не смогли ответить на вопрос о политическом значении праздника, заданный одним из методистов Общества строителей Красного стадиона. «Они ежились, краснели, не могли объяснить, — рассказывал он на заседании Методической комиссии Общества. — Но они так и не отвечали... вопрос ставил их в тупик. Это говорит о том, что непродуманно это в широком плане. Не объяснялось оформление и во время ценных и глубоких докладов: все говорилось официальным языком, а не было подхода к простому рабочему».[42]

Многие рабочие скептически относились к тем мероприятиям, которые они были обязаны посещать. К опросу после праздника рабочие отнеслись подозрительно, отвечали скупо. Но целый ряд ответов удалось собрать, были высказаны замечания и пожелания по оформлению города. Так, например, респонденты завода «Серп и Молот» и 1-го Государственного автомодильного завода (бывший АМО) отметили неудачное изображение ковша, подающего металл, на здании ВСНХ.[43]

Методисты, изучая устойчивость воспоминаний о празднике, сделали вывод о том, что лучше запоминается тот элемент праздника, в котором участники проявляют свою активность (например, шествие, парад). Следующие места по устойчивости заняли воспоминания о таких моментах праздника, которые оказались эмоционально окрашены (встреча с иностранными рабочими, иллюминация, песни и музыка). Воспоминания об украшениях и плакатах, поскольку они были связаны не с общим настроением, вызываемым ими, а с их объективным содержанием, отличались очень небольшой устойчивостью. Неожиданно низкое место по своей устойчивости в сознании участников празднеств заняли воспоминания о проходе колонн по Красной площади. Причины этого крылись в недочетах организации и в недооценке того значения, «которое должен был произвести этот момент на рабочих именно как участников определенного массового действа, когда оно должно было бы достигать наивысшего подъема, максимальной организованности и наибольшей политической целеустремленности».[44]

Методисты Общества строителей Международного Красного стадиона отмечали, что «изо-фронт профессионального искусства не имеет специальных кадров, которые занимались бы исключительно этим вопросом. До сих пор мы, по существу, мобилизовывали всех художников, которые приблизительно месяц работали; после окончания майских или октябрьских торжеств они расходились».[45]

[40] ГАРФ. Ф. 4346. Оп. 1. Д. 504. Л. 6.
[41] Там же.
[42] Там же. Д. 477. Л. 77–78.
[43] Там же. Л. 50.
[44] Там же. Д. 503. Л. 54.
[45] Там же. Д. 477. Л. 1–2.

В качестве главной задачи в оформлении города выдвигалась наполненность его политическим содержанием, так как праздник рассматривался как демонстрация достижений и сил пролетариата, результатов социалистического строительства.[46]

В 1931 г. на конференции при Обществе строителей Международного Красного стадиона анализировались различные варианты оформления Москвы в дни октябрьских празднеств. Согласно первому варианту, политическое содержание распределялось по всему городу по линии магистралей с таким расчетом, что центр представлял собой «синтез политического содержания ... куда входят все основные звенья нашей борьбы в интернациональном и советском масштабе, а по концам, в соответствии с этими кварталами, мы распределили так, что дали пятилетку по линии экономического, хозяйственного, культурного строительства и т. д., т. е. мы разбили по рабочим окраинам с таким расчетом, что каждая магистраль постепенно развивала одну и ту же тему, показывая эту тему до центра города; а в рабочих районах мы показали основные темы центра, но с местными материалами». Но эта схема не была реализована в полном объеме в силу организационных и материальных условий. Хотя колонны демонстрантов, продвигаясь к Красной площади, «постепенно воспринимали политическое содержание, но это все-таки был какой-то архитектурный, но не политический план».[47]

Второй вариант праздничного оформления столицы предусматривал передачу украшения городских площадей центральным учреждениям. Так, например, ВСНХ был «хозяином» площади Ногина, и поэтому здесь демонстрировались пути развития народного хозяйства. Такого рода децентрализация, когда крупные организации получили для праздничного декорирования площади, дала возможность ввести между ними соцсоревнование.[48]

Привлекаемые к оформительской деятельности художники не всегда могли художественно передать политическое значение. Так, «фасад Дома Союзов, который, казалось бы, был очень красив и торжественен... по существу был чисто формалистически оформлен, если бы там не было соответствующего четкого политического лозунга. Если вы отнимите эту словесную часть оформления, то этот фасад есть исключительно формальный подход к оформлению. Также и МОГЭС, где исключительно оформлялось освещением, плюс действовали лозунги, но изобразительного воздействия совершенно не было осуществлено», — отмечали современники.[49]

Второй ошибкой была многопредметность, перегруженность изображения. На конференции ОСМКС указывалось на то, что простому зрителю-горожанину сложно воспринимать многообразие: это путает его, и он не воспринимает символического содержания оформления. Отсутствие единства образов также не отвечало идеологическим задачам оформления. Так, например, на некоторых фасадах была изображена пятилетка — от трактора до нефтяной вышки, но при этом основная мысль пятилетки, ее образ, как считали участники конференции, не были представлены.[50]

Следующим отрицательным моментом в праздничном оформлении города стала замена изображения текстом и цифрами. Так, на Дворце Труда была расположена громадная диаграмма — «бесконечные цифры... взятые из борьбы профсоюзного фронта». Но эти данные без художественного образа зрителем не воспринимались.[51]

Таким образом, можно выделить несколько этапов в развитии принципов оформления городского пространства в дни советских государственных праздников, начиная от скромных декораций первых лет советской власти (1917 — первая половина 1920-х гг.), выполненных революционно настроенной творческой интеллигенцией, до организованной парадной пышности середины 1920–1930-х гг. с обязательным соблюдением инструкций и рекомендаций.

Несмотря на многочисленные недостатки в оформлении праздничного городского пространства, формируемые в процессе восприятия визуальных образов стереотипы («красный день календаря», «светлый, радостный праздник», зелень «цветущего мая») представлялись как очевидность, создавали иллюзию всеобщей радости. Ме́ста для диалога личного и коллективного в городе не оставалось: все превращалось во властный монолог, пропагандирующий иллюзию коллективного сознания, миф о счастливой жизни и «светлом

[46] Там же. Л. 2.
[47] Там же. Л. 4.
[48] Там же.
[49] Там же. Л. 7.
[50] Там же. Л. 8.
[51] Там же.

пути» в прекрасное будущее. Власть репрезентировала себя при помощи символической атрибутики, парадов и шествий. Целенаправленная политика большевиков по созданию новых символов, ритуалов, смыслов способствовала конструированию культуры нового типа — культуры «советской». Государственная праздничная культура стала одним из самых действенных способов влияния власти на общество.

Elena V. Barysheva
Candidate of Historical Sciences, Russian State University for the Humanities (Russia, Moscow)
E-mail: *barysheva.ev@gmail.com*

FESTIVE DECORATION OF SOVIET CITIES OF 1920–1930s

The article deals with the importance of public outreach of the Soviet cities' decoration during the the 1920–1930s on the occasion of national holidays of 7 November and 1 May. The official national holiday culture was an effective means of influencing the society. Visual propaganda of the unity of labor and national holidays, the society and the authorities, as well as uniformity of society during the celebrations was one of the tools for reshaping of the population's mentality and their way of life. Based on the archive materials and media publications the author studied the approaches to decorating urban environment in its development. The attributes of the Soviet holidays: flags, decorative panels, portraits of the leaders, political posters, slogans, lighting, official stands contributed to the creation of a myth about the happy life and the "brightly lit road" to the future. Shop windows also had a "revolutionary-propaganda" importance and played a tremendous role in ideological education of the population. Decoration of the city streets and squares during the national holidays demonstrated the official interpretation of the past, present and future, implanted in the people's minds the required stereotypes of perception of the environment. In place of the rich variety of styles in the decoration of urban space in the first years of the Soviet power there came a rigid official regulation. Centralized instructions and numerous methodological recommendations were supposed to turn the official holidays into a systematic self-education and self-discipline exercise. The need to attribute an emotional coloring to the image of a "new person" resulted in substitution of the rather primitive festive decorations of the "war communism" years with the splendor and the magnification of the 1930-s. Main element in the cities' decoration was the demonstration of achievements of socialism construction and the strength of the proletariat.

Keywords: *public holiday, festive registration, attributes of holidays, ideological stereotypes, evident propaganda, political poster*

REFERENCES

Bonnell V. *Reprezentatsiya zhenshchiny v rannikh sovetskikh plakatakh* [Representation of the woman in early Soviet posters]. Vizualnaya antropologiya: rezhimy vidimosti pri sotsializme [Visual anthropology: the visibility modes at socialism]. Moscow: OOO "Variant", TsSPGI Publ., 2009, pp. 245–272. (in Russ.).

Diev A. D. *8-aya godovshchina Oktyabrya — 1925 g*. [The 8th anniversary of October — 1925.]. Massovye prazdnestva. Sbornik Komiteta sotsiologicheskogo izucheniya iskusstv [Collection of Committee of sociological studying of arts]. Leningrad, 1926, pp. 149–152. (in Russ.).

Feykhtvanger L. *Moskva 1937. Otchet o poezdke dlya moikh druzey* [Moscow 1937. The report about the trip for my friends]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1937. 93 p. (in Russ.).

Glebkin V. V. *Ritual v sovetskoy culture* [Ritual in the Soviet culture]. Moscow: Yanus-K Publ., 1998. 168 p. (in Russ.).

Golomshtok I. *Totalitarnoe iskusstvo* [Totalitarian art]. Moscow: Galart Publ., 1994. 296 p. (in Russ.).

Gyunter Kh. *Totalitarnoe iskusstvo kak sintez iskusstv* [Totalitarian art as synthesis of arts]. Sotsrealisticheskiy kanon [Socialist realism canon]. St. Petersburg: Akademicheskiy proekt Publ., 2000, pp. 775–769. (in Russ.).

Kolonitskiy B. I. *Simvoly vlasti i borba za vlast. K izucheniyu politicheskoy kultury rossiyskoy revolyutsii 1917 goda* [Symbols of the power and race for power. To studying of political culture of the Russian revolution of 1917]. St. Petersburg: Liki Rossii Publ., 2012. 320 p. (in Russ.).

Losev A. F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [Problem of a symbol and realistic art]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1995. 320 p. (in Russ.).

Malysheva S. Yu. *Istoricheskaya mifologiya sovetskikh «revolyutsionnykh prazdnestv» 1917–1920 godov* [Historical mythology of the Soviet "revolutionary festivals" of 1917–1920]. Dialog so vremenem. Almanakh intellektualnoy istorii [Dialogue with time. Almanac of intellectual history], 2003, no. 10, pp. 231–254. (in Russ.).

Mamardashvili M. K., Pyatigorskiy A. M. *Simvol i soznanie* [Symbol and consciousness]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kultury" Publ., 1997. 224 p. (in Russ.).

***M**assovoe deystvo. Pervomayskiy prazdnik 1932 goda* [Mass action. May Day holiday of 1932]. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz Publ., 1932. 160 p. (in Russ.).

***M**assovoe deystvo. Rukovodstvo k organizatsii i provedeniyu prazdnovaniya desyatiletiya oktyabrya i drugikh revolyutsionnykh prazdnikov* [Mass action. A management to the organization and carrying out celebration of decade of October and other revolutionary holidays]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatelstvo Publ., 1927. 288 p. (in Russ.).

Morozov A. I. *Konets utopii: Iz istorii iskusstva v SSSR 1930-kh gg*. [End of a utopia: From art history in the USSR the 1930th]. Moscow: Galart Publ., 1995. 224 p. (in Russ.).

Papernyy V. *Kultura Dva* [Culture Two]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1996. 382 p. (in Russ.).

Ryklin M. K. *Prostranstva likovaniy. Totalitarizm i razlichie* [Spaces of glee. Totalitarianism and distinction]. Moscow: Logos Publ., 2002. 280 p. (in Russ.).

Tsivyan Yu. G. *Istoricheskaya retseptsiya kino: Kinematograf v Rossii, 1896-1930* [Historical reception of cinema: Cinematograph in Russia, 1896–1930]. Riga: Znanie Publ., 1991. 492 p. (in Russ.).

Zolotonosov M. Γλυπτοκρατος. *Issledovanie nemogo diskursa. Annotirovannyy katalog sadovo-parkovogo iskusstva stalinskogo vremeni* [Γλυπτοκρατος. Research of a mute discourse. The annotated catalog of landscape gardening art of Stalin time]. St. Petersburg: OOO INAPRYeSS Publ., 1999. (in Russ.).

К статье Е. В. Барышевой

1 мая 1925 г. Агитационный автомобиль с бюстом В. И. Ленина на проспекте Володарского. Музей истории фотографии, Санкт-Петербург

Физкультпарад. Москва, 1938. Фото Э. Евзерихина

Дети на первомайской демонстрации. Москва, Красная площадь, 1931 г.